

Столыпинский
вестник

Научная статья

Original article

УДК 821.161.1

**НАРУШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПОСТУЛАТОВ В ПРОЗЕ
ДАНИИЛА ХАРМСА**
VIOLATION OF COMMUNICATIVE POSTULATES IN THE PROSE OF
DANIIL KHARMS

Зернова Алиса Кирилловна, бакалавр, Санкт-Петербургский
государственный университет, г. Санкт-Петербург

Zernova Alisa Kirillovna, Graduate Student, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, e-mail: zernova.alisa@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу некоторых коммуникативно-прагматических особенностей прозы известного обэриута и писателя-абсурдиста Даниила Хармса. Тексты рассматривались главным образом с опорой на теорию «постулатов нормальной коммуникации» - некоторых условий, необходимых для успешного протекания речевого акта, сформулированных О.Г. и И.И. Ревзиными. Данный метод был применен не только к диалогическому, но и к авторскому дискурсу. В результате были отмечены ситуации коммуникативного провала, возникшие вследствие либо несвязности и противоречивости сообщения, либо же многочисленных несовпадений концептуального «фона» говорящих, а также обнаруживающие невозможность однозначного интерпретирования сообщения.

Annotation

This article is devoted to the analysis of some communicative and pragmatic features in the prose of the famous absurdist and Oberiu' writer Daniil Kharms. The texts were analyzed mainly based on the theory of "postulates of normal communication" - some conditions necessary for the successful speech act, formulated by O.G. Revzina and I.I. Revzin. This method was applied not only to the dialogical but also to the author's discourse. As a result, situations of communicative failure were noted that arose due to either the incoherence and inconsistency of the message, or numerous discrepancies in the conceptual "background" of the speakers, also the impossibility of unambiguous interpretation of the message was revealed.

Ключевые слова: коммуникативный акт, прагматика, Даниил Хармс, языковая картина мира, абсурд, коммуникативный провал

Keywords: communicative act, pragmatics, Daniil Kharms, linguistic picture of the world, absurdity, communicative failure

Творчество Даниила Хармса – одно из наиболее загадочных и неординарных явлений в русской литературе благодаря самобытности слога автора, заслуженно снискавшего славу мастера литературы абсурда. В основе её эстетики лежит отрицание, разрушение традиционного смысла и формирование альтернативного, «другого» смысла; следовательно, абсурдное мировосприятие оказывается в какой-то степени ненормативным, «аномальным», противоречащим традиционной картине мира и различным конвенциональным представлениям: начиная с правил устройства и функционирования языка и заканчивая принципами самого существования человека в реальности и социуме [3].

Ключевой особенностью абсурдистской картины мира прозы Хармса, пожалуй, можно было бы назвать нарушение всевозможных связей: грамматических и лексико-семантических (это можно обнаружить, например, в многочисленных ненормативных словоупотреблениях), межфразовых и

внутритекстовых (например, нарушения когезии и когерентности текстов), логических и концептуальных. Эффективная коммуникация в таком «разорванном», хаотичном художественном мире едва ли представляется возможной, что и будет рассмотрено в настоящей статье.

Теоретико-методологической основой анализа стала классическая работа по коммуникативно-прагматическим особенностям в абсурдистских текстах – статья О.Г. и И.И. Ревзиных, в которой были сформулированы «постулаты нормального общения», необходимые для того, чтобы коммуникация состоялась [5]. Так, отталкиваясь от традиционной схемы коммуникативного акта Р.О. Якобсона [7], исследователи пришли к выводу, что владения общим кодом-языком и наличия контакта ещё недостаточно для успешного общения, а должна наличествовать и некоторая когнитивная общность. Однако у Хармса не всегда устанавливается сам контакт между персонажами. Например, в тексте «Лекция» за каждой репликой весьма фривольного содержания герой «получал по морде» [6, 237] и постоянно спрашивал: «За что?» - но так ни разу и не получил ответа.

Коммуникация может не состояться и в результате непонимания кода-языка одним из говорящих. Так, Петя не может сделать заказ официанту, либо потому, что не может прочитать название блюда, либо, что более вероятно, официант не может по каким-то причинам воспринять речь собеседника и осмыслить его просьбу: *-Чего изволите? -Если можно, бёф-буи. -Как вы сказали? -Я говорю, мне бёф-буи. -Что прикажите?* [6, 172] и т. д. (прим.: орфография и пунктуация автора сохранены). С подобным случаем нарушения когнитивных способностей и возникающего вследствие этого распада языка сталкиваемся в диалоге Коки Брянского с матерью, в котором сообщается о планирующейся женитьбе сына: *- Что ты говоришь? - Се-го-во-дня-же-нюсь! - Же? Что такое же? - Же-нить-ба! - Ба? Как это ба?* [6, 68] и т. д. Любопытно, что одним из коммуникантов, Кокой, осознается абсурдность создавшейся ситуации: «Сама то ты не понимаешь, что сказать просто *же* — бессмысленно?» [6, 68].

Одним из «постулатов нормального общения», сформулированных Ревзиными, является наличие не только формальной, но и смысловой связности, нередко нарушающейся в хармсовских текстах – как, например, в «Баронессе и Чернильнице». Нарушение когерентности в данном случае обусловлено быстрой и немотивированной сменой темы высказывания. Это можно проследить по используемым ключевым словам и повторным номинациям одних и тех же реалий. Так, сначала происходит разговор между Колумбом и Бобровым, резко, однако, прерывающийся: «Если ты, Христофор Колумб, ещё что ни будь скажешь...» [6, 29], - затем происходит смена коммуникантов, и в диалоге участвуют уже жена и Бобров. Сначала через обмен короткими репликами, состоящих исключительно из местоимений и дейктиков Бобров пытается выяснить у жены, куда она направляется: *-Ты куда? –Туда –Куда туда? –да вон туда.* [6, 29] и т.д. Затем следует ответ, не релевантный заданному вопросу: *-Куда ты идешь? –Я влюбилась в Баронессу и Чернильницу* [6, 29]. Далее происходит окончательный разрыв коммуникации в результате введения семантической неконгруэнтных реплик: *-Это хорошо. –Это хорошо, но вот Колумб засунул в нашу кухарку велосипед. –Бэдная кюхаркю. –Она бедная сидит на кухне <...>. –Да да. Вот это случай. Я помню у нас в приюте в 1887 году был тоже. Был у нас учитель...* [6, 29]. Примечательно, что и в данном случае героями осознается несостоятельность коммуникации. После рассказанным Бобровым случае в приюте жена спрашивает: «Боже, да к чему-же ты это говоришь?» [6, 29].

Другим условием эффективного общения является логическая непротиворечивость, истинность высказываний, т. е. «слово не должно расходиться с делом» [5, 239] У Хармса это часто становится причиной возникновения конфликтных ситуаций. Например, в тексте «Всестороннее исследование» доктор сообщает о своем намерении выписать некоему Блинову пилюлю, а на вопрос собеседника о свойствах этой таблетки отвечает: «Как пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю» [6, 182]. Далее

в споре героев разворачивается целая цепочка подобных тезисов и антитезисов: *-Нет. -Что нет? -Не говорил. <...> -Вы проглатываете слова, торопитесь и заикаетесь. -Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.* [6, 183, 184] и т.п. Иногда персонажи действуют как бы в противовес собственным словам, очевидно, не выражающих истинных намерений. Например, в тексте «Тюк!» Ольга Петровна просит Евдокима Осиповича не мешать ей колоть дрова и после каждого удара топора не произносить слова «тюк!». Герой каждый раз соглашается с собеседницей («Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду» [6, 353]), однако продолжает это делать.

Другой постулат нормальной коммуникации — наличие так называемой «общей памяти», некоего пресуппозитивного знания. Несоблюдение этого условия также встречаются в хармсовских текстах. Например, в одном из них Каштанов расспрашивает у Лизы, кто она, на что девушка изумлённо отвечает: «Да что вы привезались <...> Вы не знаете, кто я, что ли?». Подобная ситуация разворачивается и в другом диалоге: *-Ты ел сегодня труху? -Я очень обижен. Почему я должен есть труху? -Я не то хотела сказать. Я хотела сказать: ты видел сегодня паходу? -Как можешь ты так говорить. Ты знаешь ведь, что я редька.* По реакции становится ясно, что для него эта информация является такой же новой и неожиданной, как и для читателя: «Редька Мркоков: вот это странно» [6, 54]. Кроме того, в данном диалоге нарушается и постулат смысловой связности, так как реплики-акции и реакции оказываются семантически несовместимыми.

Важным для успешной коммуникации является постулат о детерминизме, т. е. наличии четкой взаимосвязи причин и следствий; в противном случае все события становятся равновероятными. Произвольность их соединения в ситуации общения может обнаруживаться и осмысляться одним из коммуникантов. В таком случае из-за разницы в способах концептуализации действительности (а именно выстраивания причинно-следственных связей) вновь возникают конфликтные ситуации. Например, в сценке «Ссора» один из персонажей заявляет, что он принц, а его собеседник

утверждает, что за это его нужно облить супом: *-А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя? -Да, я так думаю. -А я думаю наоборот!* [6, 73].

Любопытным представляется и другой текст, герой которого лишь частично способен устанавливать логическую связь между причиной и следствием. Например, исходя из физических знаний о мире, общекультурного или личного опыта он заключает, что «если лето дождливое, то зима всегда холодная», следовательно, «в этом <...> году зима будет холодная» [6, 145]. В то же время, получив от своего собеседника несколько ударов по лицу, персонаж не может установить источник боли: *-(держась рукой за щеку) -Ох! Лицо болит! -Почему болит?(и с этими словами хватъ Семёнова по морде) -(падая со стула) Ох! Сам не знаю.* [6, 146].

Наконец, важным оказывается постулат информативности и связанной с ним неполноты, редуцированности (т. е. в сообщении должна содержаться только новая, актуальная, непредзаданная информация). Повторы одних и тех же реплик очень характерны для хармсовских диалогов; показательным в этом отношении является текст «Математик и Андрей Семенович», в котором близкие по содержанию реплики не просто повторяются раз за разом, но еще и графически умножаются автором, делая высказывание еще более избыточным: *- Нет, не положу! Нет, не положу! Нет, не положу! Нет, не положу! - Ну и не клади. Ну и не клади. Ну и не клади. - Вот и не положу! Вот и не положу! Вот и не положу!* [6, 343].

Несоблюдение данных постулатов ведет к провалу в коммуникации и абсурдизации текста, становится препятствием для понимания адресатом интенций адресанта и интерпретирования сообщения. Удачная коммуникация в художественном мире Хармса, таким образом, оказывается едва ли возможной, что, безусловно, связывается и с гносеологическими основами абсурдистского мировосприятия, где субъект оказывается одиноким в результате разрыва связей с социумом и миром.

Однако применение данных постулатов к анализу не только собственно прямой речи, но и повествовательного, авторского слова кажется вполне продуктивным: в данном случае сам текст становится результатом коммуникативного акта, где адресатом оказывается читатель, а адресантом — автор. Мы не задаемся целью подробного описания способов реализации данных постулатов в хармсовских текстах (этому, пожалуй, можно было бы посвятить отдельное исследование).

Несоблюдение постулата связности реализуется как раз в связи с нарушением когерентности, целостности – концептуального, модального и тематического единства [2, 29]. Один из примеров – немотивированные переходы от одной темы к другой, что уже отмечалось в диалогическом дискурсе. С одной стороны, они обрывают сюжетную линию и разрушают цельность нарратива, а с другой, наглядно демонстрируют ход мыслительного процесса (чем-то напоминающий «поток сознания») с ослаблением последовательности и логики рассуждения и повышением роли ассоциативности. Это характерно, например, для симфонической формы, к которой, вслед за А. Белым, обращался и Хармс. Так, в «Симфонии №2» каждый абзац вводит новую тему, не связанную с предыдущей. Этот переход маркирован фразой повествователя: «Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу о...» [6, 258]. Так, первые три абзаца содержат краткие биографические сведения о персонажах (Антоне Михайловиче, Илье Павловиче, Анне Игнатьевне), введенных в текст достаточно произвольно. Затем автор переключается на рассказ о самом себе. Перечисляя знакомых дам, он решает пересказать «забавный случай», произошедший с одной из них; делается это в максимально лаконичной, «протокольной» форме, лишенной не только каких-либо деталей, но и причинно-следственных связей: «Случилось это так: пришёл я однажды к Марине Петровне, а она трах! и облысела. Вот и всё» [6, 259]. Так, в данном примере можно наблюдать и нарушение постулата о детерминизме: события оказываются несвязанными друг с другом, равновероятными.

Нередко в прозаических текстах Хармса обнаруживается подобная «неспособность рассказать историю», чем и объясняется тематическая разрозненность и обрыв нарратива. В некоторых случаях, однако, автор эксплицирует мотивировку незавершенности сюжета, например: «Эх! Написал бы ещё, да чернильница куда то вдруг исчезла» [6, 216]; «Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ, про эту кирукуку-крекицу» [6, 137].

Вообще реализация форм логического мышления (понятий, суждений, умозаключений) в хармсовских текстах в целом представляется любопытным и перспективным материалом для дальнейших исследований. Отдельного интереса заслуживает, например, излюбленный сценарий смерти, происходящей обыкновенно внезапно, по стечению нелепых обстоятельств и едва ли описываемый как процесс трагический и вообще значимый. Скорее наоборот, это довольно рядовой случай, упоминаемый с протокольной сухостью. Часть этих сценариев воспринимается нами как недостаточно или неубедительно мотивированные, абсолютно индетерминированные, несоотносимые с традиционной картиной мира, а потому абсурдные. Так, например, смерть может наступить в результате перенасыщения пищей («объелся толчённым горохом и умер» [6, 334], «съел антрекот, икнул и умер» [6, 139]), когнитивной деятельности («узнав об этом, тоже умер» [6, 334], «так растерялся, что упал и умер» [6, 156], «так настигла коварная смерть старичка, незнавшего своего часа» [6, 170]) или вовсе без указания причины («вертела, вертела кассу и вдруг умерла» [6, 153], «пела, пела и вдруг умерла» [6, 156]).

Нередко Хармсом нарушается постулат тождества, когда высказывание должно быть соотнесено с одним предметом и подразумеваться одна действительность. В текстах же встречаются ситуации, когда автор не может точно идентифицировать описываемый предмет или явление: «его польто не то в клетку, не то в полоску, не то, чорт подери, в горошину» [6, 52]; «дерево стоит, а может быть, лев, а может быть, слон, а может быть, и ничего нет» [6,

51]; «Вилка это? Или ангел? Или сто рублей? Нона это» [6, 32]; «Шел дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник» [6, 30] и др. В связи с последними тремя примерами стоит отметить нарушение семантической конгруэнтности в соединении разнородных объектов в пределах одного ряда (абсурдной представляется сама ситуация, что такие вещи можно перепутать друг с другом).

Интересны для рассмотрения и случаи, когда субъект действия оказывается как бы нестабилен, и у персонажей вдруг появляются двойники, как например в тексте «Вещь»: сначала герою дается номинация «Горничная Наташа» и сообщается, что она находится в комнате; далее туда вошла «Горничная Наташа», и первая уже номинируется как «другая»; затем и вовсе немотивированно возникает третья горничная, о чем свидетельствует словосочетание: «Наташи и горничная» [6, 19-22].

Нарушение постулата истинности можно наблюдать в связи с парадоксально разворачивающимися текстами, например, «Голубая тетрадь №10». Он строится на основе последовательной негации и открывается утверждением о существовании некоторого человека, у которого «не было глаз», -//- ушей, носа, рта, рук, ног и т. п., «и никаких внутренностей». У персонажа вообще отсутствуют органы чувств, следовательно, и любые речемыслительные навыки: «Говорить он не мог, так как у него не было рта». Отрицание нарастает по градации, доходит до абсолютного «нигилизма»: «Ничего у него не было!» [6, 333]. Так, рецепция текста напоминает процесс деконструирования, постепенного сведения к нулю. Человеческий облик разрушается до основания, и повествователь заключает: «Так что не понятно, о ком идет речь». Вместе с этим в абсурдистском ключе обрывается и нарратив: «Уж лучше мы о нем не будем больше говорить» [6, 334]. В итоге, единственной целостной структурой оказывается, пожалуй, лишь текст.

Примеры отражения подобного противоречивого восприятия действительности встречаются и в других текстах, например: «Жила была четвероногая ворона. Собственно говоря, у нее было пять ног» [6, 207];

«скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый» [6, 48]. Открытую цепь логических противоречий можно обнаружить и в одном из т.н. «квазитрактатов»: «...я понял, что я и есть мир. Но мир это не я. Хотя, в то же время, я мир. А мир не я. А я мир» [6, 310].

Наконец, стоит отметить постулат информативности. случаями его нарушения, во-первых, можно было бы назвать внезапно обрывающиеся нарративы, во-вторых ситуации, условно обозначенные нами как «неспособность рассказать историю» (и первые, и вторые уже были охарактеризованы выше). В-третьих, тексты по своей сути не событийные (в лотмановском понимании события как пересечения семантической границы [4, 483]) и как бы бессюжетные, сводимые к описанию чего-то обыденного. Н.Д. Арутюнова, например, писала: «Повседневность не возбуждает коммуникативных центров» [1, 9]. Текст, начинающийся с фразы: «В 2 часа дня<...>на Невском<...>ничего не случилось» [6, 52], - непременно вызовет слом читательских ожиданий. Подобный пример — короткий текст под названием «Встреча» из сборника «Случаи», состоящий буквально из одного предложения, в котором сообщается что «один человек пошел на службу» и встретил «другого человека», купившего польский батон и направляющегося «к себе во свояси» [6, 351].

Так, мысль оказывается неоформленной, главная идея — не переданной до конца, а интенция адресата, соответствующая целям коммуникации, - как бы нереализованной. Следует оговориться, что эти характеристики даны именно с точки зрения «нормальной коммуникации» и нарушения её основных постулатов; для нас они оказываются важны в свете понимания механизмов рецепции текстов Хармса как странных, аномальных, абсурдных. Принимая же во внимание идею абсурда как альтернативного смысла, а не его отсутствия (т.е. бессмыслицы), можно сказать, что авторские интенции, напротив, успешно реализуются, просто оказываются отличными от традиционных и привычных нашему восприятию.

Итак, в прозаических текстах Хармса мы нередко сталкиваемся с нарушениями условий, необходимых для успешной коммуникации, что становится препятствием для понимания адресатом интенций адресанта и интерпретирования сообщения. Это справедливо как для диалогического, так и для авторского дискурса, т.е. как для текстовых ситуаций общения между персонажами, так и для акта рецепции самих текстов, где «получателем» сообщения оказывается читатель. Невозможность коммуникации в первом случае является характерной чертой абсурдистского мировосприятия, постулирующего разрушение социальных контактов и одиночество субъекта в чуждом ему мире. Во втором же случае обнаруживается значительный смысловой потенциал абсурдистских текстов и их интерпретационных возможностей.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. – №3. – С. 3-19.
2. Валгина Н.С. Теория текста: уч. пособие – М.: Логос, 2003. – 173 с.
3. Кравченко О.В. Явления языкового абсурда в художественных текстах : дисс. канд. филол. наук — Ставрополь, 2010. – 181 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. Ревзина О.Г., Ревзин И.И. Семиотический эксперимент на сцене // Труды по знаковым системам V. Учёные записки Тартуского государственного университета – Тарту, 1971. – С. 232—254.
6. Хармс, Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. : Измерение вещей / Даниил Хармс. – СПб. : Азбука, 2020. – 448 с.
7. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: сб. статей - М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

Literature

1. Arutyunova, N.D. Anomalies and language (To the problem of the linguistic "picture of the world") // Questions of linguistics. 1987. – No. 3. – pp. 3-19.
2. Valgina N.S. Text theory: textbook – М.: Logos, 2003. – 173 p.

3. Kravchenko O.V. Phenomena of linguistic absurdity in literary texts : dissertation of the Candidate of Philology — Stavropol, 2010. – 181 p.
4. Lotman Yu.M. Semiosphere – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 p.
5. Revzina O.G., Revzin I.I. Semiotic experiment on the stage // Proceedings on sign systems V. Scientific notes of the Tartu State University – Tartu, 1971. – pp. 232-254.
6. Kharms, D. Collected works: in 3 vols. 2. : Measurement of things / Daniil Kharms. – St. Petersburg : Azbuka, 2020. – 448 p.
7. Yakobson R.O. Linguistics and poetics // Structuralism "for" and "against": collection of articles - M.: Progress, 1975. – pp. 193-230.

© Зернова А.К., 2022 Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №3/2022.

Для цитирования: Зернова А.К. Нарушение коммуникативных постулатов в прозе Даниила Хармса// Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №3/2022.